

В этот момент Фэн Мин не чувствовал какой-то обиды из-за того, что Жун Тянь отдал Цай Цяна, и его больше не беспокоило уязвлённое самолюбие, когда в решающей битве Жун Тянь оставил его в стороне.

Всё казалось не таким уж и важным, как было до этого.

Внезапно пришло осознание, что, отдавая приказ не возвращаться в лагерь, Жун Тянь предчувствовал глубокую печаль от понимания, что потерял Мэй Цзи навсегда. Перед лицом сильного врага, чтобы сберечь силы, пришлось принять жестокое и безжалостное решение — оставить без внимания жизнь ослеплённой любовью Мэй Цзи.

Конечно же это были беспомощная решимость, печаль и боль императора.

После всего случившегося Его Величество держался, как всегда, невозмутимо, даже не упоминая о Мэй Цзи, поскольку не мог успокоиться.

Зачастую крайне болезненную рану стараются не тревожить.

А боль разбитого сердца неопишима.

Словно снизошло прозрение [1], и, благодаря стараниям Жун Тяня, Фэн Мин наконец-то всё осознал.

— Я уже понял, — тихо буркнул под нос князь, крепко сжимая кулаки, — как должен поступить.

Казалось, эти слова придали огромную силу. Шаг за шагом тело князя вытягивалось в струнку, словно флаг, развевающийся на ветру.

Пристальным и сверкающим взглядом проводив князя, который уверенной поступью скрывался вдаль, Жун Ху почувствовал облегчение, словно с души свалился камень, после чего телохранитель вновь лёг на мягкую траву.

— Потрясающе! — И тут из заросшего кустарником утёса внезапно появился Ле-эр и, подмигнув, проговорил: — Старший брат достоин быть старшим братом! Как знал, что у тебя обязательно найдётся способ убедить князя Мина. Стоит только князю Мину понять и войти в затруднительное положение государя, как жизнь императора тотчас же наполнится счастьем.

Жун Ху, посмотрев на резвого младшего брата, с раздражением выплюнул:

— Если только государь узнает, что это из-за наших слов князя Мина мучает совесть, то финал нас будет ждать в сотню раз безжалостнее, чем у стоящего сейчас на коленях Мян Я.

— Получишь какое-то маленькое наказание, что тут страшного?! Сейчас, когда Жо Янь пришёл в себя, в мире вот-вот воцарится хаос, к тому же на престоле Силэй «прописался» сопляк, и если государь как можно скорее не вернёт себе былую решимость и непревзойдённую жестокость, тогда действительно будет очень скверно. — Ле-эр, недовольно сев на траву, потянулся. — В последнее время князь Мин усердно работал, и если «женское» милосердие князя станет препятствовать планам государя, то между возлюбленными возникнет ссора, а у нас — жуткая головная боль. Да, кстати, с другой стороны, — он в один прыжок поднялся и, спустившись с пригорка на траву, где лежал Жун Ху, прошептал, присев на корточки перед ним: — Цю Лань такая нежная и хрупкая. Но кто бы мог подумать, что этот хрупкий цветочек в одиночку смог привезти тебя сюда. Бесконечно длинными ночами ты, пользуясь положением и притворившись жалким, гладил её ручки или целовал её маленький ротик?

Шея Жун Ху неожиданно покраснела, а сам телохранитель злобно уставился на младшего брата:

— Если бы рана не причиняла боль при любом движении, то отпинал бы тебя по заднице, чтобы твой принц Юн И разрыдался от волнения за тебя.

Словно что-то вспомнив, Ле-эр рассмеялся:

— Он сегодня уже достаточно нарыдался. Получив новость о твоей гибели, он поспешил утешить меня. Но кто ж знал, что, увидев меня в подавленном состоянии, он, не говоря ни слова, станет задыхаться от слёз, так и не справившись с ними. Страшно разрыдавшись, он смутился ещё сильнее и убежал. Ха, Цю Лань и девушки возвращаются. Ну, старший брат, хорошенько насладись заботой этих красавиц, что служат только Его Величеству и князю Мину, а мне пора. — После чего Ле-эр улизнул, и не стоило спрашивать куда, так как и без того знали, что он отправился искать любимого Юн И, который из-за проявления своей слабости боялся показаться на глаза.

Жун Ху ничего не оставалось, как наблюдать за этим непослушным мальчишкой, быстро удаляющимся от него.

Взгляд переместился вдаль и наполнился приятным чувством уюта и радостью. Цю Лань из-за заботы о нём, раненом, похоже, немного похудела, став прелестнее.

Когда Фэн Мин вернулся к Жун Тяню, военный совет уже закончился.

Услышав сзади шаги, император Силэй обернулся и, увидев Фэн Мина, обнажил лёгкую улыбку:

— Уже вернулся? Как самочувствие Жун Ху? Дела все улажены, армия собирается в путь, и мы скоро вернёмся в лагерь. Хоть он сгорел дотла, по крайней мере там подходящий рельеф местности для размещения войск. К тому же нам нужно выяснить, что осталось после Жо Яня.

— Угу.

Остановившись, Жун Тянь осторожно смерил любимого феникса взглядом:

— Что случилось? Даже твой голос изменился. — Бездонные глаза засияли.

Уставившись на Жун Тяня и набравшись смелости, князь ласково произнёс:

— Я решил стать самым лучшим возлюбленным и навсегда быть с тобой.

Пребывая в смятении, молодой мужчина хмуро спросил:

— Слишком поздно принимать подобное решение, не находишь? Ты уже давно обречён провести свою жизнь со мной, несколько лет назад выпадал шанс раскаяться.

Фэн Мин, подняв руку, схватился за подол и, когда их носы почти соприкоснулись, крайне серьёзно проговорил:

— Тогда договоримся: если столкнёшься с горестями, не нужно думать о моих чувствах и скрывать что-то, к тому же с трудом притворяться безучастным.

Жун Тянь внезапно насторожился и, прищурившись, испытывающе посмотрел на Фэн Мина и, спустя долгое время, навис над ушком князя, тихо ответил:

— Похоже, я не смог скрыть от тебя. Изначально не хотел тебе говорить, так как боялся, что ты распереживаешься и загрустишь. — Повернувшись, Жун Тянь достал из-под большого камня, служившего временным военным столом, ларец и вручил Фэн Мину со словами: — Госпожа Яое вместе с Цай Цянем уже уехали, а господин Сяо последовал за ними позже. Перед отъездом он прислал своего человека с этим ларцом, внутри купчая на тридцать три грузопассажирских корабля и карта с точными координатами путей.

— Купчая на корабли и карта?

Фэн Мин застыл от удивления.

Тщательно обдумав, князь решил не прятать истинную ситуацию [2], потому и пришёл сюда, намереваясь разделить с Жун Тянем боль от утраты Мэй Цзи.

Так причём здесь Сяо Цзун?!

Держа врученный Жун Тянем ларец, Фэн Мин не мог понять, что происходит, и, вынужденно

отложив дело, связанное с Мэй Цзи, спросил:

— К чему так переживать и заботиться о купчих и карте?

Император Силэй горько улыбнулся:

— Вещи господина Сяо так легко заполучить? Хоть он отдаёт купчую и карту, присланный от него гонец также передал условие наставника.

— Условие? — Вспомнив этого крайне непонятного, с мизерными чувствами «отца к сыну» папашу, Фэн Мин тотчас же почувствовал, как кровь стынет в жилах. — Какое условие?

Наверняка это дело не так-то просто будет решить.

— Учитель сказал, что раз уж ты смело перенял семейное дело, то наверняка унаследовал способности его вести.

Появилось ощущение смутной неясности.

— Только как понять, что я унаследовал способности?

— В течение года ты должен проложить морской путь и наладить поставку очень редкого и дорогого светящегося песка из Даньлиня в Силэй.

— Даньлинь? — В очередной раз ругая себя за то, что, когда посещал уроки Жун Ху, совершенно не концентрировался на них, князь «выжимая мозг» пытался хоть что-то вспомнить: — Это то... А, это другое двенадцатое государство, которое находится на отдалённом от всех загадочном острове?

Действительно, когда приходит время использовать знания на практике, начинаешь жалеть, что мало читал.

Фэн Мин вспомнил тот урок, на котором Жун Ху смутно упоминал о Даньлинь.

На другой стороне моря находилось одно очень красивое государство, где создавали светящийся песок. Только для чего его использовали? Всё совершенно выветрилось из памяти.

Но название моря, что отделяло Силэй от Даньлиня, князь запомнил, так как это легко можно было сделать, — Даньхай.

Князь снова по привычке начал чесать затылок:

— Проложить морской путь? И ещё перевезти светящийся песок? Но года мало, если не уложусь в срок, что тогда?

— Учитель, посчитав тебя бесполезным потомком, позорящем род, может лично убить тебя, — упоминая это, Жун Тянь понизил тон. — Люди господина Сяо, словно его меч, сказав, что уничтожат человека, не станут мешкать. Если у нас не получится выполнить его требование, то через год мне придётся держать тебя под усиленной охраной до тех пор, пока либо учитель не умрёт, либо мы с тобой, — глядя на князя, Жун Тянь успокаивающе улыбнулся. — Если он захочет убить тебя, сначала пусть разберётся со мной.

Услышав слова любимого императора Силэй, Фэн Мин вздрогнул всем телом, но вскоре, успокоившись, изогнул губы в улыбке и, обнажая белоснежные зубки, решительно заявил:

— Не волнуйся за меня, эта задача лишь для князя Силэй. Я буду стараться изо всех сил, чтобы разобраться с этим делом. — Во взгляде таились спокойствие и решимость, излучая блеск, словно самый ослепительный свет собрался в этих жизнерадостных глазах.

Жун Тянь был поражён лёгкостью и уверенностью, с которыми феникс произносил слова. Взгляд императора Силэй загорелся:

— А у тебя есть опыт в мореходстве?

— Есть, но небольшой, — покачал головой князь.

Весь его опыт исходил из того раза, когда Его Светлость украл Лу Дань и, посадив на корабль, повёз в Дунфань.

Все те дни Фэн Мин коротал в запертой каюте, да ещё и в компании Лу Даня, с которым они постоянно ругались. Так что скорее это можно было назвать опытом быть в плену, чем опытом мореходства.

С другой стороны, его столько раз похищали и брали в плен, что он уже стал профессионалом в этом деле. Более того, он надеялся, что в будущем этот опыт поможет ему избежать очередного похищения.

Жун Тянь напрасно радовался, волей-неволе он притянул князя ближе и прошептал, укоряя:

— Тогда почему ты выглядишь так, как будто тебе всё равно?

— Кто сказал, что мне всё равно? Да у меня такого энтузиазма, как сейчас, отродясь не было, — и Фэн Мин попытался изобразить радость на лице. После чего закрыл глаза, будто собираясь произнести клятву, и тихо пробурчал: — С этого дня я отказываюсь быть князем Мином, которого надо постоянно спасать, защищать и утешать. Как может жизнь быть скучной, когда

рядом со мной самый выдающийся император на свете? Поэтому, какой бы серьёзной ни была проблема, я хочу быть таким, как Жун Тянь. Хочу с гордостью ринуться в бой и всецело отдаться сражению. О, Небеса, если вы решили послать мне испытания, то я, Фэн Мин, обязательно пройду их.

Открыв глаза и встретившись с удивлённым, но в тоже время радостным взглядом Жун Тяня, князь улыбнулся так ярко, что даже лучи солнца меркли на его фоне. После чего добровольно обвив шею мужественного императора Силэй, князь впился в его губы страстным поцелуем.

Страсть, подобно урагану, охватила разум. Сошедший с небес гром, вызвал пожар на земле, позволяя непреодолимому пламени со скоростью света захлестнуть горный лес и все окрестности на пути.

Влажный, горячий и ловкий язык, обладая исключительным ароматом Жун Тяня, одним махом ворвался между зубов князя и заскользил по каждому миллиметру сладкого рта: от белых жемчужин-зубов и до дёсен, захватывая чувствительное основание языка.

Из горла вырвался опьяняющий стон, словно сейчас князь смаковал лучшее вино в мире, и, добровольно коснувшись языком, вовлёк Жун Тяня в страстный танец поцелуя.

Каждый импульс был подобен любовной ласке, а поцелуй дарил наслаждение, словно Жун Тянь уже полностью проник в его тело, овладевая князем снова и снова.

— Жун Тянь... — дрожащий едва слышный голос сорвался с губ, заставляя сердце забиться сильнее. — Моё тело... оно пылает, — пальцы свело, а сам князь Силэй, задыхаясь, крепко схватил Жун Тяня за грудки.

Словно две жаждущие соприкосновения змеи, их кончики языка сплелись, выпуская влажный непристойный звук, который звонко отозвался в ушах, заставляя ноги подкоситься.

Это был крайне страстный и глубокий поцелуй.

Фэн Мин чувствовал, как кровеносные сосуды вот-вот, запульсировав, взорвутся.

— Ещё глубже... — глядя затуманенным взглядом, прерывисто и едва понятно вымолвил он.

Подвергшись подстрекательству со стороны любимого феникса, Жун Тянь потерял контроль. Его язык скользнул глубже, доставая почти до самого горла, заставляя князя своим натиском затаить дыхание и с нетерпением ждать следующей, крайне мощной атаки, но в этот момент сзади раздались шаги, которые вскоре резко затихли.

Мрачно простонав, Жун Тянь прервал потрясающий[3] поцелуй и, обнимая всё ещё слегка задыхающегося Фэн Мина, обернулся.

Уж кого-кого, а незваных гостей любят меньше всего.

Столкнувшись со взглядом Жун Тяня, генералы тотчас же перевели взгляд от соблазнительно-алого личика князя Мина, на грязь под собственными сапогами.

Как только мужчины склонили свои головы, чья-то рука с силой толкнула Цзы Яня в спину. Слегка пошатнувшись, Цзы Янь вынужденно сделал шаг и вышел из строя. Спустя какое-то время, подавив неловкость, молодой генерал с упорством[4] доложил:

— Государь, войско уже собралось.

Жун Тянь быстро вернул привычное выражение лица и спокойно кивнул:

— Передайте им мой приказ: пускай выдвигаются в путь. Нам нужно вернуться в лагерь до захода солнца.

Опустив генералов, молодой мужчина с улыбкой посмотрел на покрасневшегося Фэн Мина и спросил:

— Нам пора. Но у тебя всё ещё слабость в ногах, сможешь ли ты держаться в седле? Может, лучше поедем вместе?

Фэн Мин был крайне очарователен, когда краснел так, что даже ушки окрашивались алым цветом. Моргнув пару раз, князь внезапно выпятил грудь, презрительно фыркая:

— Как простой поцелуй может ослабить ноги выдающегося князя Силэй?! Если ты мне не веришь, то давай поспорим: чей конь первым окажется в лагере, тот и победил.

На что Жун Тянь спросил, широко улыбаясь:

— А на что спорим?

— Хм, если я проиграю, то сегодня ночью я — в твоём распоряжении, а если ты, то...

— Конечно же, я буду в твоём распоряжении.

— Идёт!

— По рукам!

Они ударили по рукам и игра началась!

Через какое-то время войска отправились в путь.

Построение войск было не хитрым — в первых рядах шли солдаты Силэй, за ними те, кто уцелел, а Жун Ху и остальные раненые солдаты, которым нельзя было шевелиться, ехали сзади в повозках. Но поскольку Ле-эр сопровождал Жун Ху, принц Юн И добровольно вызвался идти вместе со своим тысячным войском в конце шеренги, находясь рядом с любимым.

Впереди колонны каждый на своей лошади ехали Фэн Мин и Жун Тянь, а так как у них было заключено пари, то оба, крикнув «Но!», от всей души подстегнули коней и ретивые, с фырканьем вспарывая копытами землю, рванули с места, обгоняя ветер.

Бесчисленные тени деревьев, росших с обеих сторон дороги, быстро попятились, оставаясь позади.

Ощущалась огромная разница между ночной атакой, и днём, когда они мчались на лошадях обратно в лагерь.

В воздухе витал причудливый тонкий аромат, исходящий от деревьев, окутывая всё пространство, слегка щекоча ноздри, мчащихся всадников, оседая на их одежде, волосах. Величественно возвышавшиеся и укрытые зеленью крутые вершины, деревья, разбросанные в живописном беспорядке, и листва, от которой отражался солнечный свет, подобно золотым пластинам, слепила глаза.

Пот стекал со лба.

— Но! Хороший мой, — Фэн Мин прижимался к лошади, держась за поводья, — помоги мне выиграть. Если сможешь, то я тебя накормлю до отвала! — Обхватив ногами бока коня, князь пришпоривал его всё сильнее, поддаваясь азарту и желанию победить.

Все эти годы князь учился искусству верховой езды, однако, несмотря на все знания, Фэн Мину стоило признать тот факт, что его навыки не шли ни в какое сравнение с навыками Жун Тяня.

Сначала они скакали наравне, но, не проехав и половины пути, Жун Тянь вырвался вперёд прямо из-под носа князя и стал постепенно удаляться. Подняв взгляд и увидев, как мужчина становится крохотной точкой, а потом и вовсе пропадает вдаль, Фэн Мин крепко стиснул зубы и, дважды взмахнув плёткой, помчался по его следам, стараясь настигнуть императора.

Ещё день не успел смениться сумерками, как вся армия уже прибыла в лагерь.

Фэн Мин, приехав вторым и натянув поводья, остановил запыхавшегося коня. Спокойно оглядев белый и обуглившийся лагерь взглядом, князь спешил.

Неподалёку жеребец Жун Тяня, который уже давно прибыл в лагерь, осторожно ступал по земле и, свесив голову, обнюхивал пепел, оставшийся от пожара.

Подойдя к коню, Фэн Мин погладил гриву, после чего, взяв поводья двух животных, медленно вошёл вглубь совершенно изменившегося лагеря.

Следы от пожара выглядели словно уродливые раны. Единственное, что уцелело в этом кошмаре, — глубоко зарытые деревянные сваи и валуны, служившие фундаментом для построек.

Уж если Жо Янь решил что-то уничтожить, то сделает это основательно.

Безмолвный лагерь казался мёртвым, вокруг царил тишина, но Фэн Мин ощущал, что блуждает среди плачущих призраков.

Погрузившись в мысли и чувства, князь направился туда, где по его мнению должен был находиться дворик красавицы Мэй Цзи.

Выжженная земля до сих пор хранила тепло, в воздухе витал удушающий запах масла. И он, выпустив поводья из рук, оставил лошадей и вошёл в калитку, ведущую в теперь уже разрушенный и сгоревший дворик.

Обгоревшие кости лежали плотно друг к другу и аккуратно разложены на открытом пространстве перед превратившемся в пепел деревянным домом. Силуэт, стоящего посреди пепла Жун Тяня, казался величественным и суровым, словно сам император Силэй был погружен в этот опустошённый огнём мир. Нагнувшись, мужчина поднял из пепла обгоревшую кость. Обернувшись и увидев князя, император Силэй на мгновение замолк.

— Приехал? — С привычным выражением спросил Жун Тянь.

— Да, только что.

Жун Тянь наклонился и выпустил кость из рук в груды таких же обглоданных огнём костей.

Фэн Мин молча наступил на ещё сохранявший тепло пепел и, опустив голову, начал искать взглядом останки. Жун Тянь, подойдя, крепко сжал его плечи и спросил:

— Что ты делаешь?

— Я хочу поискать с тобой...

— Они уже все давно мертвы. Какой смысл их искать? — Блѣкло улыбнувшись, молодой мужчина шутя поругал: — Глупый.

Но Фэн Мин лишь стоял и молчал.

— Ты нашёл Мэй Цзи? — спросил князь тихо.

Неподвижное тело Жун Тяня слегка дрогнуло. Через мгновение дрожь прошла, и молодой мужчина уже спокойно достал из рукава изуродованный цветок из агатовых бусин:

— Я подарил это, когда она покидала дворец Силэй. Она всегда хранила его у себя на груди.

Фэн Мин осторожно взял украшение и без каких-либо эмоций некоторое время молча разглядывал его, после чего, держа обеими руками, вернул Жун Тяню, сказав:

— Сохрани у себя.

Действительно спрятав в нательном белье, Жун Тянь выпустил длинный вздох, словно выпускал тоску, что до этого сдавливала лёгкие. Слегка успокоившись и возвратив самообладание, Его Величество снова стал прежним. Обернувшись, он взглянул на лежащие на земле кости, и приглушённо проговорил:

— Уже не отличить кто из них кто, потому пускай этих несчастных захоронят в одной могиле.

Когда двое мужчин вышли из усеянного пеплом двора, к воротам лагеря уже подъезжали солдаты.

Генералов с ранних лет приучали к полевым условиям, поэтому им было не привыкать спать почти под небом. В сгоревшем лагере остались лишь полуразрушенные стены и большинство непригодных к жилью домиков. Когда все спешили, половину солдат отправили стоять на страже лагеря, поочерёдно сменяясь, остальным же, взяв оставшийся провиант, нужно было развести огонь и готовить ужин, а после — отправляться спать.

Подозвав к себе Цзы Яня, Жун Тянь приказал ему взять нескольких человек и отправить их к склону холма, чтобы те выкопали могилу и похоронили несчастных.

Кости легли в одну могилу, позволяя земле постепенно укрыть своим желтовато-коричневым покрывалом. Если раньше при жизни была разница между хозяином и слугой, то сейчас эта грань была стёрта. И становилось неважно, кто ты: слуга, господин, принц или первая в мире красавица — в этот день они все оказались равны.

Жун Тянь, не проронив ни слова, безразлично наблюдал за происходящим со стороны.

Когда могилу уже засыпали, стоящий рядом князь спросил у Жун Тяня:

— Не хочешь поставить им могильный камень?

— Могильный камень не соответствует её скромному и спокойному характеру, — он ненадолго замолчал, обнажив глубокую улыбку. — Это ни к чему. Через несколько лет здесь вырастут разные травы и полевые цветы, пусть они сопровождают её.

Цзы Янь, подчинившись приказу, не оставил могильный холм пустым. Согласно распоряжению Фэн Мина, молодой генерал выкопал с корнем несколько белых цветов, что нашлись в долине, и пересади́л на могилу Мэй Цзи.

Была надежда, что в следующем году удастся увидеть, как эти цветы, распустившись, украсят холм.

К слову сказать, никто не остался в стороне, даже местный принц [5] Юн И, который оказал огромную помощь. Несмотря на то, что он уже не являлся наследным принцем Юньинь, Юн И всё же оставался сыном императора и мог без проблем вернуться в государство через свои лазейки. Зная, что им придётся ночевать в лагере, Юн И незамедлительно отправил своих людей в близлежащий городок, чтобы те пополнили запасы еды и добыли палатки.

Ждать пришлось недолго. Где-то во вторую ночную стражу [6] провиант тайно доставили в лагерь. После чего Жун Тянь немедленно раздал еду и приказал установить палатки на ночь.

Государь и князь Мин делили самую прочную палатку, сделанную из бычьей кожи, более того их палатка находилась у горячего источника. Того самого, в котором они «купались» в первый день своего прибытия в лагерь.

День выдался тяжёлым, и оба были жутко вымотаны. Ле-эр в соседней палатке ухаживал за раненым братом, Цю Лань, Цю Син и Цю Юэ сутились вокруг Жун Тяня и Фэн Мина до тех пор, пока господа не уснули. Позже служанки погасили пламя свечи и, стараясь не шуметь, выскользнули наружу.

Фэн Мин тихо посапывал на груди Жун Тяня. Однако проснувшись глубокой ночью, князь понял, что спит совершенно один. И это его нисколечко не удивило. Подобные угольку глаза в кромешной тьме [7] палатки сверкнули и, взяв лежащую на краю мягкой циновки накидку, князь набросил на плечи и выбрался из палатки.

Миновав нескольких часовых и махнув им рукой, прося не следовать за ним, князь отправился к одинокой и извилистой тропинке, идущей на восток.

Эта тропинка вела к холму, на котором теперь покоилась красавица Мэй Цзи.

На тёмно-синем небе блестели мириады звёзд [8]. Молодой месяц, сияющий высоко над землёй, без особого высокомерия приветливо мерцал вместе с этими маленькими огоньками.

Серебристое сияние месяца, подобно тонкому инею, было слабым и в то же время удивительно ласковым. Мягкий свет осторожно, словно боясь разбудить людей, спящих на другом конце лагеря, падал на маленькие белые цветы, цветущие по обе стороны дорожки.

Насыщенный запах травы, исходящий из долины, щекотал кончик носа. Вокруг было очень тихо, как будто это место изолировали от всего мира. Фэн Мин шел медленно, и при каждом шаге из-под его сапог раздавался лёгкий шорох.

Дойдя до конца тропинки, князь остановился.

Впереди у самой могилы находился Жун Тянь. Мужчина стоял неподвижно и казался похожим на многовековую безмолвную статую, по которой сейчас тихо скользил лунный свет, очерчивая каждый изгиб этого мужественного и величественного силуэта.

Пронизывающий до костей подобно ветру силуэт был заострён, словно обнажённый меч, и такой же серьёзный и спокойный, как купающиеся в лунном свете горные вершины.

В одно мгновение непреодолимая печаль потоком захлестнула душу.

Феникс не знал, какие трудности и муки совести испытывал Жун Тянь, делая спокойный выбор. Никогда не знал.

Пелена слёз застлала глаза, размывая стоящий вдали силуэт Жун Тяня. Даже несмотря на огромное расстояние, князь всё равно остро ощущал горечь и боль любимого.

Мэй Цзи спасла их, но сама поплатилась жизнью из-за их чёрствости.

Чёрная неблагодарность являлась своего рода болью, что пронзала сердце.

Эта боль, которая полагалась ему, Фэн Мину, теперь нёс Жун Тянь вместо него.

Лучше уж оставить близких сердцу людей, но не позволять Жо Яню, воспользовавшись случаем, навредить Фэн Мину. Прежде чем он, князь, догадался об этом, Жун Тянь уже принял решение за него.

Властно и категорично издав указ, который не посмели бы нарушить, император Силэй заставил людей Мэй Цзи предать свою госпожу, обрекая несчастную на верную смерть.

Не из-за того, что Жун Тянь находил радость во власти, а из-за того, что знал - нужно сделать выбор и не важно насколько цена велика. Он выбрал уберечь Фэн Мина от похищения, смело устояв против тайной стрелы Жо Яня.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «буддийское чистое учение омыло главу», то есть прозрение, постижение (буддизма).

[2] В оригинале фраза звучит как «страшную жену придется показать родителям», обр. в знач.: настоящую ситуацию не скрыть.

[3] В оригинале фраза звучит как «потрясти небо и всколыхнуть землю» обр. в знач.: потрясающий, поразительный; оглушительный

[4] В оригинале фраза звучит как «отвердив кожу головы» обр. с упорством; скрепя сердце; через не хочу, заставляя себя

[5] В ориг. «местный змей», обр. «местный царёк», в нашем же случае - местный принц.

[6] Вторая ночная стража - время с 9 до 11-ти часов вечера.

[7] вытянешь руку — пальцев не разглядишь; обр. кромешная тьма, ни зги не видать, хоть глаз выколи

[8] В ориг. «расставленные, как шашки на доске», обр. «густо», отсылка к облавным шашкам (го).

<http://bllate.org/book/13377/1190185>